

детъ въ отрицаніе. Съ восьмичасовымъ днемъ въ наши дни происходитъ то же, что съ работою малолѣтнихъ въ Англии въ 40 годахъ нашего столѣтія. Фабрикантамъ казалось тогда, что съ запрещеніемъ этой работы рушится ихъ благосостояніе, а потомъ они сами же были довольны. И потому Толстой болѣе, чѣмъ вправѣ, назвать все это жалкою борьбою, даже съ точки зрѣнія конечной цѣли социализма. Знаю, — г-нъ Поссе возражаетъ на это, что въ процессѣ классовой борьбы крѣпнеть классовое сознаніе пролетаріата, развивается духъ солидарности. Но единственный ли это и лучший ли способъ будить духъ солидарности? И достаточна ли *та* солидарность, которая возникаетъ такимъ путемъ, не только для ниспроверженія капитализма, но и для созданія и поддержанія коммунистическаго строя? Г-нъ Поссе въ своей новой программѣ говоритъ о совпаденіи интересовъ фабричныхъ рабочихъ съ интересами мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ. Онъ говоритъ о всеобщей солдатской стачкѣ. Нужно ли понимать это такъ, что онъ взываетъ здѣсь къ солидарности, выходящей за предѣлы фабричнаго класса и распространяющейся также и на крестьянъ, составляющихъ въ наше время большій процентъ войска, — этого главнаго оплота капитализма? Но такая внѣклассовая солидарность, пожалуй, и не можетъ быть вызвана классовою борьбою и фабричнымъ законодательствомъ? И если фабричные рабочіе одни не могутъ справиться съ существующимъ строемъ, то колеблется и все ученіе Маркса о томъ, что фабрика вызвала къ жизни тотъ классъ людей, которые одни не только по недовольству своимъ теперешнимъ положеніемъ но и по своимъ привычкамъ труда заинтересованы въ осуществленіи коммунизма, и что потому орудія производства и опредѣляемое ими дѣленіе общества на классы, и борьба этихъ классовъ между собою — истинные двигатели исторіи. А разъ ко-